

СТАТЬИ

МОСКВА И КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ РУССКОГО НАРОДА XIV—XVII вв.

Проф. М. Тихомиров

С начала XIV и до конца XVII в., в течение почти четырёх столетий, Москва была признанной столицей Русского государства. Велика была роль Москвы как политического центра России, но не менее велико было и другое значение её — как центра русской культуры, который впитывал в себя всё лучшее, что породил русский творческий гений и, в свою очередь, организовывал и направлял творческие культурные силы русского народа. Между тем эта культурная роль Москвы мало освещена в наших научных работах, вернее, освещена только эпизодически главным образом историками литературы и искусства. Попытаться поставить вопрос о культурной роли Москвы в XIV—XVII вв. — основная задача этой статьи.

Начатки московской культуры восходят уже к первым двум векам существования Москвы как города. Об этом нам говорят немногие, но красноречивые намёки разрозненных летописных известий о Москве XII—XIII веков. Сообщая о разорении Москвы татарами, летописец говорит, например, что завоеватели предали огню город и церкви, сожгли монастыри и сёла, захватили много имущества¹. Перед нами встаёт картина довольно большого русского города с церквями и монастырями — обычными культурными центрами русского средневековья. Во второй половине XIII в. в Москве находим уже два монастыря: Даниловский и Богоявленский. О первом мы узнаём, что он был основан князем Даниилом Александровичем, родоначальником московских князей. В этом монастыре названным князем была учреждена архимандрия — явный показатель его большого значения, богатства и выдающегося положения. Напомним тут же, что даже в Новгороде существовал только один монастырь (Юрьев монастырь), настоятели которого имели сан архимандритов.

Позже узнаём о том, что Богоявленский монастырь в Москве сделался одним из центров византийской образованности на Руси. Всё это говорит о том, что развитие московской культуры началось задолго до XIV в., когда Москва сделалась столицей княжения, что московская культура развивалась не на пустом месте, а восходит к блестящей культуре Владимиро-Суздальского княжества времён Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, следовательно, опирается на культурные богатства Киевской Руси с её многосторонними международными связями. И, тем не менее, видимая культурная история Москвы начинается для нас только с первой половины XIV в., со времён Калиты и его преемников. На память о Калите ложится тяжёлым бременем обвинение его в участии в татарской расправе, учинённой над Тверью. Осторожный и уступчивый по отношению к татарам, Калита кажется фигурой относительно серой по сравнению с его пылким современником, тверским князем Александром Михайловичем, возглавившим восстание тверичей против наглого татарского царевича и его приспешников. Песня о Щелкане Дудентьевиче показывает, кого благодарная народная память считала героями события.

¹ Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 438. СПб. 1872.

Однако в деятельности Калиты были черты, вызывавшие привязанность к нему современников. В 1339 г. «многогрешные» дьяки Мелентий и Прокоша переписали так называемое Сийское евангелие — прекрасный образец русской письменности XIV века. Дьяки жили и работали в трудные времена, и поэтому перед ними вставали грозные образы ветхозаветных пророков. Вот что записали дьяки о Калите: «О семь бо князи великом пророк Езекий глаголетъ: в последнее время в апустевшей земли на западе востанеть цесарь правду любяй, суд не по мзде судяй, ни в поношение поганым странам, при сем будет тишина велья в Руской земли и восияеть в дни его правда»². Дьяки так и написали: «в апустевшей земли» через а, — дав нам образец позднейшего московского «аканья», назвав Калиту «цесарем» — титулом византийских императоров. Но не один только правый суд ставили они в заслугу Калите. Дьяки хвалят Калиту и за то, что он повелел написать многие книги («многим княгам написаным его повелением»). И эта черта деятельности Калиты привлекает особое внимание. Татарские погромы нанесли ужасающие удары нашей письменности. В пламени пожаров погибли груды письменных богатств. Можно скорее поражаться тому, что письменные памятники домонгольского времени дошли до нашего времени, чем удивляться, что таких памятников сохранилось мало. Образованные русские круги уже во второй половине XIII в. стали заботиться о восстановлении письменных памятников прежнего времени. В ещё больших размерах этой восстановительной деятельностью занялся Иван Калита.

Уже А. С. Павлов считал, что Калита занимался упорядочением судебных установлений, и указывал на то, что в одном требнике начала XVI в. статья «Сий ряд и суд церковный» заканчивается словами: «Дай бог и на много лета великому князю Ивану Даниловичу всея Руси»³. Характерно, что такое же пожелание находим и в другом памятнике, рассказывающем о Калите, — в полулегендарной записи о встрече Калиты с притворянами соборной церкви в Торжке. Притворяне также восклицают многолетнее пожелание московскому князю: «Дай бог и на много лета великому князю Ивану Даниловичу всея Руси»⁴.

Дьяки Мелентий и Прокоша ещё раз напоминают нам о каких-то судебных установлениях, которые производились при Калите, любившем правду и творившем суд не по мзде и не в поношение татарам (поганым). У нас, впрочем, имеется и другой источник, который уже прямо указывает на особое внимание Калиты к книжному делу.

Построив в Кремле новый монастырь Спаса, Калита снабдил его церковными сосудами, иконами и книгами из княжеской казны. Указание на книги, выданные из княжеской казны, особенно интересно для нас в свете того, что мы уже знаем из уст дьяков и показаний требника. Конечно, эта начальная московская письменность была ещё очень скромной, но в ней уже было заложено зерно будущего. Первоначальную московскую письменность обнаруживаем и в летописных записях первой половины XIV в., несомненно, московского происхождения. Предполагают, что эти московские записи начинаются с 1317 года. Источником их М. Д. Приселков считал семейную хронику Ивана Калиты и митрополичий летописец. Названный исследователь недостаточно оценивает эти первоначальные московские памятники, отмечая «замкнутость изложения великокняжеского московского летописания внутри интересов и событий только московского правящего дома», но с этой строгой оценкой трудно согласиться⁵. Здесь не место вступать в полемику о характере первоначально-

² Срезневский И. «Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках», № XXXVI. СПб. 1876.

³ Павлов А. «Книги законные». Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. XXXVIII, № 3, стр. 36.

⁴ Миллер В. «Очерки русской народной словесности». Т. II, стр. 243. 1910.

⁵ Приселков М. «История русского летописания XI—XV вв.», стр. 128. Л. 1940.

го московского летописания, для нас важнее отметить тот факт, что московская письменность может считаться уже существовавшей при Иване Калите и его преемниках, а это объяснит нам многое в дальнейшей истории московской культуры.

Время Калиты и его преемников было периодом не только утверждения московской письменности, но и московского искусства. Строительство московских каменных соборов и церквей при Калите и его преемниках было, пожалуй, самым выдающимся явлением в области русского искусства первой половины XIV в., равного которому мы не знаем в русской истории этого столетия. Вслед за Успенским собором, заложенным в 1326 г., в Московском кремле были воздвигнуты ещё четыре каменные церкви, в том числе Архангельский собор. Позднейшие свидетельства говорят о том, что московские постройки времён Калиты не были прочными и величественными. Не прошло и полутора века, как Успенский собор пришлось подпирать толстыми брёвнами, чтобы он не обвалился⁶, но не забудем и того, сколько раз Успенский собор выгорал дотла в течение полутора века своего существования. Не забудем и о том, что строительство соборов происходило в «апустевшей» земле, разорённой татарами, и тогда нам станет ясным, что уже на первых шагах своей строительной деятельности Москва показала тот размах, каким никогда не обладали её соперники — Тверь и Рязань. Поэтому при всей неказистости и непрочности первых московских каменных построек появление их должно считаться важной вехой в истории русской культуры и искусства в частности.

В 1344 г. оба московских собора были расписаны греческими и русскими мастерами, а вслед за тем роспись украсила и две другие московские церкви. Участие греческих и русских мастеров в росписи первых московских церквей бросает свет на характер московской культуры: Москва выступает перед нами в своеобразном двойном значении центра русской культуры и в то же время крупного международного центра. При этом симпатии москвичей-современников уже явно на стороне своих русских мастеров. Греческие митрополиты писцы даже не названы по именам. Это люди нужные, но чужие, вызванные греком-митрополитом Феогностом. Они расписывали Успенский собор и кафедральную митрополищью церковь. Княжеский Архангельский собор расписывали «русские писцы князя великого Семёна Ивановича», а начальниками у них были Захарий, Иосиф, Николай⁷, поимённо называет их московский летописец, радостно переживавший появление в Москве своих, русских художников. И с этим повышенным интересом к своему родному, русскому встретимся мы и дальше в истории московской культуры.

То, что ещё только намечалось при Калите и его преемниках, получило дальнейшее развитие и, прямо скажем, блестящий расцвет во второй половине XIV в., в княжение Дмитрия Донского. Дмитрий Донской известен обычно только по одной стороне своей деятельности — как великий русский полководец, организовавший отпор полчищам Мамаю и разгромивший татар на Куликовом поле. Но была и другая сторона его деятельности: княжение Дмитрия Донского надо считать временем настоящего подъёма русской культуры, оставившего по себе долгий и памятный след. Этот подъём, впрочем, был подготовлен предыдущими поколениями, выросшими и воспитавшимися при Калите. Ещё в середине XIV в. в Богоявленском монастыре, стоявшем за пределами Кремля, на посаде, возник кружок учёных монахов-аристократов. Наиболее заметным из монахов этого монастыря был Алексей, сын московского боярина Бяконта, постригшийся в монахи ещё в дни своей юности. Он был настолько вы-

⁶ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XX, стр. 297.

⁷ Там же. Т. XVIII, стр. 94.

дающей фигурой, что вскоре сделался епископом и наместником митрополита Феогноста, часто отлучавшегося из Москвы для объезда своей обширной митрополии. После смерти Феогноста Алексей по желанию великого князя отправился в Константинополь и получил поставление на митрополию «всёя Руси».

Алексей был, несомненно, одним из образованнейших людей своего времени. Неизвестно, где и когда он изучил греческий язык, но долго сохранялась грамота с его собственноручной подписью на греческом языке. Ему же приписывают перевод Нового Завета с греческого языка на славянский. В других случаях мне уже приходилось указывать, что греческое образование не было редкостью в Москве XIV в., усиленно торговавшей в это время с Константинополем и другими причерноморскими городами⁸. В библиотеках Чудова монастыря и Троице-Сергиевой лавры мы находим рукописи с греческими пометами и записями, написанными грецизированным почерком⁹. Чудов монастырь был основан самим Алексеем, а строителями Троице-Сергиева монастыря были братья Стефан и Сергей. Стефан ранее жил в Богоявленском монастыре. Греческий язык знало не только московское духовенство, но и купцы, торговавшие с Судакон и Константинополем, люди бывалые, нередко говорившие на нескольких языках¹⁰.

Эта связь Москвы с отдалённым Константинополем объясняет нам очень многое в культурной жизни Москвы XIV века. Русские встречались в Константинополе с представителями различных народов. Важнее всего были связи с итальянскими купцами, утвердившимися в константинопольском пригороде — Галате. Наши источники ясно говорят о каких-то близких связях русских людей с Галатой, в основном населённой итальянцами (преимущественно генуэзцами)¹¹. В свете сказанного выше ничего не будет непонятного и в том, что на Руси появляются итальянские иконные композиции, а одна из икон так и носит традиционное название «Галатской». Не случайно и то обстоятельство, что знаменитый художник того времени, Феофан Грек (Гречин), до прибытия на Русь расписывал церкви в Галате и Судаке. Так перед нами намечался тот путь, по которому византийский мастер попал на русский север.

Связи московской культуры с византийской позднего времени наиболее бросаются нам в глаза, но Константинополь был только тем центральным пунктом, при посредстве которого культурные веяния достигали Москвы с юга. Какие обширные международные связи имела Москва этого времени, видно из одной замечательной фразы из «Задонщины» — фразы, ещё не получившей должного расшифрования. Говоря о победе на Куликовом поле, автор «Задонщины» восклицает: «...шшла слава к Железным вратам, к Риму и к Кафе по морю, и к Торнаву и оттоле к Царюграду на похвалу: Русь великая одолела Мамая на поле Куликове». Здесь перед нами большой круг земель, до которых должна дойти весть о русской победе: Дербент (Железные врата), Рим, Кафа в Крыму, Тырнов в Болгарии и, наконец, Царьград (Константинополь) — вот те пункты, до которых дойдёт слава¹². В других списках «Задонщины» добавлен ещё Орнач, т. е. Ургенч в Средней Азии. Таковы отдалённые и разнообразные центры, которые были связаны с Москвой.

⁸ Тихомиров М. «Византия и Московская Русь». «Исторический журнал» за 1945 г., № 1—2.

⁹ Например, рукопись Государственного Исторического музея. Чудовское собрание, № 260.

¹⁰ Тихонравов Н. «Древние жития Сергия Радонежского», стр. 163. М. 1892.

¹¹ В Галате был погребён митрополит Пимин. «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ). XI, стр. 39.

¹² Текст приведён по неизданному списку «Задонщины» XVI века. Государственный Исторический музей, собр. № 2060; Шамбинаго С. «Повести о Мамаяевом побоище», стр. 134. СПб. 1906.

Это особое положение Москвы, как пункта, к которому выводили водные пути по Дону и Волге, имело громадное значение. Москва выступает перед нами в роли крупного международного центра Восточной Европы в те ранние века её существования, когда она нередко представляется нашим историкам в образе захудалой княжеской усадьбы. И, действительно, мы видим, что через Москву проникают на Русь новые технические усовершенствования, утвердившиеся и вошедшие в обиход в средиземноморских странах и на Востоке. Ограничимся только несколькими, но, тем не менее, показательными примерами.

Палеографы считают одним из важнейших моментов в истории письма появление бумаги, вытеснившей дорогой пергамент. Наиболее раннее применение в Европе бумага получила на юге, в Италии. В русских землях она стала внедряться в конце XIV в., но ещё первая половина XV столетия была временем борьбы пергамента с бумагой. И вот оказывается, что древнейшим русским документом, написанным на бумаге, является духовная грамота Симеона Гордого, не позже 1353 года. Таким образом, бумага появилась в Москве уже в первой половине XIV в., гораздо раньше, чем в Новгороде или в других русских городах того времени, и нашла себе применение в княжеской канцелярии для написания важнейшего государственного документа. Это говорит о том, что бумага уже получила распространение в Москве, что её перестали считать непрочным материалом. Духовная Симеона Гордого напоминает нам о тех оживлённых связях, которые Москва поддерживала с Константинополем и при его посредстве — с итальянскими торговыми городами.

Связи с Константинополем и южнославянскими странами помогали Москве выступать в роли освоителя новых технических усовершенствований, внедрившихся на Руси после долгих лет культурного обнищания, вызванного татарскими погромами. В 1346 г. в Москве начали литьё колоколов. Литейным мастером был некий Бориско. В поздних летописных сводах он назван «Римлянином», но в ранних сводах он упомянут без этой добавки. Вероятно, мастер был болгарин, так как имя Борис особенно распространено в Болгарии¹³. В 1404 г. на великокняжеском дворе в Москве были поставлены часы с боем; их ставил серб Лазарь, афонский монах¹⁴.

Ближние связи с Востоком подчёркиваются ранним появлением в Москве огнестрельного оружия — пушек и тюфяков. Как доказал В. В. Мавродин слово «тюфяк» — персидского происхождения и пришло к нам с Востока. Пушки и тюфяки впервые появляются в Москве, и летописец говорит о них по случаю разорения города Тохтамышем в 1382 году.

Таким образом, Москва в наиболее тяжёлые годы татарского ига была тем местом, откуда технические усовершенствования Средиземноморья и Востока распространялись по русским землям. Но Москва с самого начала своей культурной деятельности была чужда слепому подражанию иноземному. Даже люди, получившие византийское образование, как митрополит Алексей, были далеки от преклонения перед чуждой, византийской образованностью. Исследователи русского языка XIV в. отмечают любопытнейшую особенность двух московских евангелий, написанных в Москве в 1354 и 1358 годах. В них заметно стремление приблизить старинную речь к народному московскому языку. Переписчики по просторечию пишут: «Иван» вместо «Иоанн»; в евангелии 1358 г. «особенно заметно усилие передать мысль текста яснейшими русскими и даже простонародными оборотами речи»; употребляются

¹³ ПСРЛ. Т. XVIII, стр. 95.

¹⁴ Там же, стр. 281.

такие выражения, как: «и аще кто поимет тя в версту», «смотри цветца селнаго» и т. д.¹⁵

Тенденция покончить с феодальной обособленностью отдельных земель проявляется и в искусстве. В частности, это сказалось в том, что лучший московский мастер начала XV в., непревзойдённый Андрей Рублёв, поехал во Владимир и расписывал там обветшавшие владимирские соборы.

Особое положение Москвы, как центра русского народа, сказывается в литературе и искусстве. Центральное политическое событие времени Дмитрия Донского — Куликовская битва — порождает целый цикл сказаний о Мамаевом побоище. В этих сказаниях проводится мысль о том, что время бедствий русского народа кончается. Татарское иго, началом которого московские книжники считали битву при Калке, потрясено победой на Куликовом поле, поэтому «Задонщине» предпосылается расчёт лет от Калатской битвы (т. е. битвы на Калке) до Мамаева побоища. Нельзя не обратить внимания на то, что ни одно событие XIV в. не было прославлено в таком количестве сказаний, как Куликовская битва, сделавшаяся символом победы русских над татарами, победы, неразрывно связанной с Москвой и её князем Дмитрием Донским.

XV столетие было временем очень трудным для Москвы. Разорение посадов Москвы в 1409 г. от отрядов Едигея, длительная феодальная война и соперничество Василия Тёмного с Дмитрием Шемякой, опустошительные пожары и эпидемии задерживали рост города, мешали накоплению культурных богатств. И, тем не менее, в XV в. ещё ярче и яснее становится значение Москвы как передового русского города.

К середине XV в. старые связи со странами Средиземноморья ослабели. Турецкие завоевания положили конец Византийской империи и итальянским колониям на черноморских берегах. Москва продолжала торговать с Югом, но всё яснее становится её посредническое значение в торговле Запада с Востоком. Для европейца, возвращавшегося из долгого путешествия по странам Востока, Москва XV в. казалась первым европейским городом, где можно было отдохнуть после долгих скитаний и чувствовать себя в безопасности. «12 сентября 1476 г. вступили мы наконец с благословением Божиим в Русскую землю», — пишет итальянский путешественник, возвращавшийся в Европу из Персии. «26-го числа прибыл я наконец в город Москву, слава и благодаря всемогущего бога, избавившего меня от стольких бедствий и напастей», — вырывается у того же путешественника вздох облегчения¹⁶. Позади остались голые степи, восточные города с произволом их властителей. Впереди — Европа, а Москва — уже европейский город, связанный постоянными сношениями с Италией. Только так можно объяснить приведённые выше слова путешественника.

В Москве постоянно жило некоторое количество выходцев из Западной Европы. Поляки, немцы, итальянцы, греки, болгары и сербы встречались на её узких улицах, а самое главное, общественный строй России был близок и понятен европейцам. Недаром же знаменитый Герберштейн в начале XVI в. обращал особое внимание на религиозные обряды русских, разъясняя своим соотечественникам, что русские — такие же христиане, как и они, только отличаются от них своими религиозными обрядами.

Западноевропейские обычаи проникали ко двору, и мы неожиданно узнаём о существовании при дворе московского великого князя Ва-

¹⁵ Горский и Невоструев «Описание рукописей Московской Синодальной библиотеки». Отдел первый, № 25, стр. 254 и 263.

¹⁶ «Библиотека иностранных писателей о России». Т. I. СПб. 1836 (путешествие Контарини).

силия Дмитриевича рыцарских турниров («игрушки»), во время которых был заколот княжеский кормиличич¹⁷.

В самой Западной Европе всё более устанавливался взгляд на Русскую землю как на передовую оплот христианских земель на Востоке. Русский митрополит Исидор занял почётное место на Флорентийском соборе 1439 г., получив кардинальскую шапку и звание апостольского легата. Конечной целью унии, которой добивался папа Евгений, было присоединение к римской церкви многочисленных русских, греков, румын, болгар и сербов. Поэтому папа извещал Василия Тёмного «о благословенном успехе Флорентийского собора, славном в особенности для России, ибо архипастырь её более других способствовал оному»¹⁸. Отказ московского великого князя принять унию был равнозначен провалу всего предприятия, задуманного римской церковью. Так это расценивают и некоторые современные католические историки.

Та посредствующая роль звена, связывающего Запад и Восток, которая выпала на долю Москвы, ярко очерчивается и в известиях о сношениях Москвы с Востоком. Эти сношения в основном поддерживались при помощи великой волжской дороги. Ближайшим посредником в торговле Москвы с Востоком служила Казань, выросшая ко второй половине XV в. в крупный город, где собиралась ежегодная летняя ярмарка. На неё съезжались русские купцы «и многие иноземцы дальния и торговаху с Русью великими драгими товары»¹⁹. В восточной торговле соперничала с Москвой всё ещё богатая Тверь, но уже намечались признаки преобладания Москвы. В конце XV в. московские митрополиты посылали в Казань своих купчин, снабжая их особыми рекомендательными письмами к казанским князьям. В Москву гонят свои конские стада ногайские татары и располагаются для торговли лошадьми на больших лугах под Симоновым монастырём. Вместе с лошадиными барышниками приезжают и другие купцы с Востока. Для государей Средней Азии далёкая Москва начинает представляться столицей великого и богатого народа, и в Москве появляется посол чагатайского султана Усейна для переговоров «о любви и дружбе»²⁰.

Почти одновременно прибывает в Москву посольство грузинского царя Александра. Героически обороняющаяся от напора турок и персов Грузия уже ищет поддержки на далёком севере, в Русском государстве. Нельзя без волнения читать слова грамоты грузинского царя, обращённые к Ивану III: «...веры наши крепости всесветлый государь, всем еси государем прибежище, бедным еси подпора и бесерменом еси надея, законной земли грозный государь»²¹.

Истинное значение этих связей Москвы с Востоком обнаруживаем при чтении посольских дел по сношениям России с Турцией в начале XVI века. Когда султан Сулейман Великолепный запретил крымскому хану воевать с московским государем, хан написал султану следующие слова: «Не велишь мне пойти на московского и на волошского, ино мне чем быти сыту и одету. А московский князь великий стоит на тебя с одного с Кизылбашом. Прислал к нему Кизылбаш посла своего, и князь великий дал Кизылбашу пушек много, и мастеров, и доспехов»²². Слух о помощи Василия III персам (Кизылбашу) был ложным, но показательным, что этому слуху верили в Константинополе, где смотрели на Москву как на военный арсенал, откуда персы могли получить пушки и доспехи.

¹⁷ ПСРЛ. Т. XVIII.

¹⁸ Карамзин Н. «История Государства Российского». Т. IV, стр. 333.

¹⁹ ПСРЛ. Т. XIX, стр. 23.

²⁰ Там же. Т. XXIV, стр. 207.

²¹ Карамзин Н. Указ соч. Т. VI, примечание 373.

²² Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Турецкие дела. Кн. 1-я, л. 191 оборот (отписка дьяка Третьяка Губина, сентябрь 1521 года), выписка доставлена мне тов. Мухамедьяровым.

Многочисленные нити связывали Москву с Востоком и Западом, создавали из неё подлинный крупнейший международный центр. Если для Запада Москва была крайним пунктом европейского цивилизованного мира, то для Востока она являлась также конечным пунктом восточной цивилизации. Эта мировая международная роль Москвы до сих пор не отмечена в наших исторических работах, в которых привыкли рассматривать московскую культуру XV — XVI вв. с точки зрения передовых европейцев того времени, умевших ценить только свою культуру и считавших всё чужое низким, мелким и отсталым.

Наряду с этим высоким международным значением Москвы, окончательно сложившимся уже ко времени княжения Ивана III, всё яснее становится ведущее значение Москвы, как передового и направляющего центра русской культуры XV — XVI веков. Мы встречаемся с поразительным разнообразием способов распространения политического влияния Москвы на другие феодальные центры, хотя бы на Великий Новгород. Новгородцы рано появились на русском севере, но деятельность их за пределами бассейна Северной Двины ограничивалась военными экспедициями и собиранием дани. Московские князья уже в конце XIV в. поступили по-иному. Центром утверждения русского влияния в глухой стране зырян (коми) являлась вновь основанная Пермская епископия. Владычный городок на Усть-Выми был не только укрепленным замком, но и местом, откуда русская культура распространялась среди зырян, для которых первый пермский епископ Стефан избрал особую азбуку. Есть вероятное предположение, что для новой епископии были заново составлены сборники законов и особая «Кормчая», включившая в свой состав «Русскую правду»²³. Таким образом, военная экспедиция на север сопровождалась и своеобразной культурной миссией, и это в тяжёлые годы татарского ига!

Несомненной особенностью московских культурных тенденций являлось стремление отказаться от местных сепаратистских стремлений, типичных для эпохи феодальной раздробленности, выдвинуть на их место идею общерусского единства. Конечно, эта идея выросла не сразу и не являлась только московским достоянием, но она получила особенное развитие именно в Москве. Видимым показателем этой идеи было составление общерусских летописных сводов, время появления которых относится к первой половине XV века²⁴. Далеко ещё не всё ясно в истории появления этих сводов, но одно несомненно: их существование. Общерусские летописные своды ставили своей задачей дать историю не одного какого-либо княжества, а всей Русской земли в целом и, надо сказать, разрешали эту задачу более или менее удачно в рамках летописных произведений, с их особой формой исторического повествования. В Москве возникла и первая попытка создать труд, посвящённый общемировой истории, с включением в неё русских исторических событий. И хотя составление этого труда приписывается сербу Пахомию Логофету, общая тенденция «Хронографа» московская.

Таким образом, ещё в период феодальной раздробленности именно в Москве зарождаются и крепнут тенденции общерусского единства, и они находят своё выражение в знаменитых словах, с которыми летописец обращается к своим соотечественникам в смутные дни нашествия Ахмата в 1480 году: «О храбрии, мужествении сынове Руси. Потщитесь сохранить своё отечество Русскую землю от поганых, не пощадите своих глав»²⁵. Так московский автор вносит новую идею — общерусского патриотизма на смену местному, областному патриотизму москвичей, новгородцев или тверичей, умиравших за святую Софию,

²³ Тихомиров М. «Исследование о Русской правде», стр. 186. М.-Л. 1941.

²⁴ Шахматов А. «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.». М.-Л. 1938.

²⁵ ПСРЛ. Т. VIII, стр. 207.

за святого Спаса или ещё за какой-либо символ местной самостоятельности.

Образование Русского государства создало новые предпосылки для развития русской культуры в целом и культуры Москвы в частности. Можно сказать без преувеличения, что вся русская культурная жизнь XVI—XVII вв. была тесно связана с Москвой, как столицей и важнейшим центром русского народа. В эти столетия ещё заметнее стало особое международное положение Москвы. Трудно было найти европейскую столицу, в которой так причудливо смешивалось бы самое пёстрое население, где встречалось бы такое количество представителей самых различных народов. Итальянцы, немцы, шведы, голландцы, англичане, поляки, венгры, румыны с Запада, сербы, болгары, греки, армяне, грузины и турки с Юга, татары, узбеки, персы с Востока были постоянными гостями нашей столицы. Эти связи с дальними странами нередко углублялись дипломатическими сношениями и обменом посольствами между московскими государями и иноземными властителями. Вот почему те культурные связи, которые Русское государство поддерживало и развивало в XVI в., были разносторонними и вовсе не укладываются в общую схему влияния восточных или западных, как это изображается в ряде наших исторических трудов.

В Западной Европе с пристальным вниманием следили за Русским государством. «Перечитывая твой тщательный труд о Московии, Иовий, я начал верить в иные миры Демокрита», — пишет один автор по поводу труда Павла Иовия Новокомского о Московском государстве начала XVI века. В этих характерных словах замечаем удивление образованных иностранцев, внезапно увидевших на востоке Европы большое государство со своеобразной вековой культурой, с которой они не были знакомы до этого времени²⁶. Московское государство всё больше привлекает к себе внимание, и уже в начале XVII в. француз де Ту посвящает ему особые страницы в своей всемирной истории.

При посредстве Русского государства учёные Западной Европы знакомятся с севером Европы, и странами Сибири и Средней Азии. Герберштейн прямо говорит, что он свои сведения заимствовал из русского дорожника, «хотя в нём, по видимому, и есть нечто баснословное и едва вероятное»²⁷.

Несомненно, московский дорожник был источником, в некоторых случаях не вполне достоверным. Зато сведения Герберштейна о татарах, в особенности о Казанском ханстве, отличаются всеми признаками доброкачественности. Во всяком случае, и Герберштейн и Меховский писали о странах Поволжья и Сибири на основании русских сведений. Таким образом, круг европейских географических сведений о странах Северной Азии расширился при посредстве русских материалов. И в этом отношении России принадлежит почётное место в истории географических знаний о земном шаре.

Что касается южных славянских стран, то для них русская, в основном московская, культура получила в XVI в. особое значение. Если в XIV—XV вв. болгарские и сербские образованные люди приезжали на Русь и привозили с собой старинные культурные навыки южнославянских стран, то в XVI в. мы уже встречаемся с новым явлением — мощным культурным влиянием, которое распространяется по славянским землям из России. Книги, церковная утварь, иконы, денежная помощь притекают в Сербию и Болгарию с севера. Мощное Русское государство, единственное «православное» славянское государство, властвующее над большей частью Восточной Европы, является для порабощённых греков, сербов и болгар залогом их будущей независимости.

²⁶ Герберштейн «Записки о московитских делах», стр. 251. СПб. 1908.

²⁷ Там же, стр. 132.

«Дядо Иван», как прозвали в Болгарии далёкую Россию, призван освободить покорённых славян от ненавистного турецкого ига. И волею событий, как мы знаем, это пророчество оправдалось.

Ещё большую и непосредственную культурную роль русский народ играет на Востоке. Нам не для чего закрывать глаза на тяжёлое угнетение, которое русское завоевание на первых порах несло народам Поволжья и Сибири. Ужасен был гнёт царизма. Но нельзя забывать и того, что пустынные пространства Поволжья, Северного Кавказа и Сибири были заново заселены русскими и приобщены к культуре. Завоёванные Казань и Астрахань сделались городами, куда проникла европейская культура, и записки Дженкинсона о его путешествии в Среднюю Азию необыкновенно ярко показывают, что для европейцев граница цивилизованного мира кончалась вместе с границами Русского государства.

Сделавшись столицей могущественного государства, Москва стала притягательным центром не только для России, но и для соседних братских народов — Украины и Белоруссии. Это новое значение Москвы особенно ярко выявляется в событиях, связанных с началом московского книгопечатания. В настоящее время всё яснее становится, что искусство книгопечатания пришло к нам с юга, из Венеции или Сербии, а вовсе не из Германии²⁸. Теперь ясно, что и знаменитый «первопечатный» Апостол отнюдь не является «первопечатным», что ему предшествовали так называемые безвыходные издания, выпущенные московской типографией без выходных данных, т. е. без обозначения, где и когда их печатали²⁹. Однако первые московские печатные книги не были простым подражанием каким-либо западноевропейским образцам: они сразу получили свой особый отпечаток. В этом отношении наиболее замечателен «первопечатный» Апостол. Он набран шрифтом московских рукописей XVI в., имеет киноварные буквы этих рукописей, но украшен заставками так называемого фряжского стиля, повидимому, заимствованными с Запада. Эффектная внешность его послужила образцом для дальнейших печатных книг, выпускаемых в Москве. Таким образом, Апостол необыкновенно ярко отразил в своей внешности типичные особенности московской культуры с её разнообразными иноземными связями и умением перерабатывать иноземные новшества во что-то своё, русское, новое и замечательное.

Книгопечатание, начатое в Москве стараниями Ивана Грозного и митрополита Макария, нашло дальнейшее развитие за рубежом. Пресловутое бегство первопечатников Ивана Фёдорова и Петра Мстиславца в Литву далеко не было простым бегством. Иначе мы не могли бы понять ту лёгкость, с какой типографские шрифты оказались за границей, в Заблудове, и как туда попал именно царский экземпляр «первопечатного» Апостола³⁰. Это можно было сделать только с согласия самого Ивана IV в те годы, когда литовские паны вели переговоры с Иваном IV и серьёзно думали о его кандидатуре на польский трон.

Известен дальнейший путь первопечатника. Пётр Мстиславец обосновался в Вильно, Иван Фёдоров переехал во Львов и там положил начало украинскому книгопечатанию. Замечательнее всего то, что и на чужбине до конца своих дней Иван Фёдоров с гордостью называл себя «москвитинном». Таким образом, начало украинского книгопечатания ведёт нас к Москве, уже занявшей почётное место культурного центра братских народов России, Украины и Белоруссии.

Это большое культурное значение Москвы ярко выступает перед нами и в области литературы. Здесь Москве принадлежит исключитель-

²⁸ Тихомиров М. «Начало московского книгопечатания». «Учёные записки Московского университета». Вып. 41-й. 1940.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

ное место, так как лучшие памятники века неразрывно связаны с Москвой, которая использует культурное наследие древних городов, Киева и Новгорода. Так появляется грандиозный двенадцатитомный труд — «Четьи-Минеи» митрополита Макария. Они ставят своей задачей собрать воедино весь житийный материал, который накопила Русская земля к середине XVI века. «По первоначальной идее это должен был быть сборник сказаний о всех святых, чтимых на Руси; но теперь Макарий соединил эту идею с ещё более грандиозной идеей — выражения всего духовного богатства русского народа»³¹.

Грандиозный труд, каким были «Четьи-Минеи» митрополита Макария, обнаруживает основное направление московских культурных кругов, стремившихся создать памятники, отражающие величие Русской земли. Подобную же цель преследует «Степенная книга», — в сущности, первый исторический русский труд, в котором вся русская история изложена с определённых позиций прославления рода московских князей, создателей Русского государства с его центром в Москве. Наконец, величайшее по размаху культурное предприятие Грозного — лицевые летописные своды — преследуют ту же цель — дать связную историю Русской земли с древнейших времён, иллюстрировав её большим количеством миниатюр. Величественные литературные предприятия эпохи Грозного не могли бы быть выполнены, если бы в Москве не существовали постоянные кадры переписчиков, художников и просто образованных людей, способных принять участие в создании больших литературных произведений эпохи. Всё, что написано и создано было в других русских городах XVI в., отступает на второй план по сравнению с Москвой. И даже «Четьи-Минеи» Макария доходят до нас в двух изданиях: Успенском и Софийском, т. е. московском и новгородском.

То, что мы наблюдаем в области литературы, с не меньшей чёткостью бросается нам в глаза и при рассмотрении других отраслей русской культуры XVI века. В Москве производится подновление обветшавших икон, привозимых из других городов. Здесь возникают споры о самом характере икононого написания. Москва жадно впитывает в себя и перерабатывает те культурные приобретения, которые сделаны в других русских землях, давая новые замечательные памятники искусства. Нагляднее всего это можно увидеть на примере внедрения каменной шатровой архитектуры.

Уже во второй половине XV в. в Москве создаётся своя архитектурная школа, применяющая нововведение в строительном деле — обожжённый кирпич задолго до появления итальянцев во главе с Аристотелем Фиоравенти³². Итальянские художники внесли ряд технических усовершенствований, но сами подпали под влияние русской художественной стихии. Поэтому уже первое здание, построенное итальянским мастером, — Успенский собор — оказалось совершенно непохожим на итальянские постройки. Недаром современник многозначительно замечает, что Аристотель возводил здание «по своей хитрости», «а делажа же наши же мастыры (т. е. мастера. — М. Т.) по его указу»³³. Впоследствии тип большого пятиглавого собора, в который были внесены соответствующие изменения, утвердился во всём Русском государстве, сделался любимым зданием, украшавшим городские площади и богатые монастыри. Интересно, что Архангельский собор с его иноземными деталями остался почти без подражания: он был одинок на русской почве.

Русские мастера, работавшие по указанию Аристотеля, породили новое поколение архитекторов, вооружённых европейскими строительными знаниями, но далёких от рабского подражания чужеземному.

³¹ Сперанский М. «История древней русской литературы», стр. 516. 1914.

³² ПСРЛ. Т. XII, стр. 118.

³³ Там же. Т. XXIV, стр. 194.

Так, в XVI в. в России возникает национальный русский архитектурный стиль, подобного которому мы не находим во всём мире, — шатровые постройки.

Уже И. Е. Забелин чётко показал связи каменных шатровых построек с деревянным русским зодчеством. Тем не менее, несмотря на то, что русские шатровые храмы не имеют себе подобных во всём мире, была сделана попытка поднести инициативу их создания очередному «немцу» или итальянцу. В прикритой, но достаточно ясной форме сравнение наших шатровых храмов с итальянскими церквями находим в книге А. И. Некрасова, полностью игнорировавшего сходство русских каменных и деревянных шатровых храмов³⁴.

Но отвлечёмся от учёных рассуждений и обратимся к тому, что говорят о шатровых церквях современники, которые, вероятно, были более осведомлены об их происхождении, чем самые учёные люди нашего времени. В 1532 г. в дворцовом селе Коломенском, под Москвою, была сооружена шатровая каменная церковь Вознесения. «Бе же церковь та велми чудна выотою, и красотою и светлостю, такова не бывала преже сего в Руси», — говорит по случаю её построения современник³⁵. Какой же образец послужил для этой церкви? На это находим ясный ответ в одном летописце XVI в., где читаем, что Коломенская церковь была построена «на деревяное дело»³⁶. Вот подлинный текст этого замечательного и неоспоримого свидетельства: «Князь великий Василей постави церковь камени Вознесение господи нашего Иисуса Христа вверх на деревяное дело в своём селе Коломенском»³⁷. Термин «древена вверх», обозначающий шатровые церкви, так часто встречается в писцовых книгах XVI в., что не требует пояснений. Что же касается древности шатрового стиля в деревянной архитектуре, то в доказательство его раннего существования можно привести неизданное свидетельство Вологодско-Пермской летописи о церкви в Вологде, построенной в 1493 году. Вот что читаем в этой летописи: «Того же лета маиа в 12 в понедельник на память святого отца Елифания архиепископа Кипрьскаго владыка Филофей Пермский и Вологодцкый заложил церковь вверх святое Вознесение господи бога и спаса нашего Иисуса Христа в своём монастыри на Вологде в слободке, и свершена того же лета месяца сентябрь, а мастер тое церкви Мишак Володин Гулынского, а стала 22 рубля, опроче мосту вокруг церкви и кровли»³⁸.

В приведённом выше известии 1493 г. находим прямые указания на то, что церковь в Вологде была построена «вверх», т. е. шатром, и что она была окружена помостом. Замечательнее всего, что в конце XV в. шатровые церкви уже обозначались термином писцовых книг «вверх», а сомневаться в точности летописной записи нет никаких оснований, так как Вологодско-Пермская летопись дошла до нас уже в списках середины XVI века³⁹. Итак, у нас имеются все основания утверждать, что шатровое деревянное зодчество существовало на Руси уже в XV веке.

Однако воплощение шатровых храмов в камне было делом не бедного русского севера, а богатой Москвы. Ранние каменные шатровые храмы окружают Москву. Их находим в Коломенском, Острове, Беседах, т. е. в дворцовых царских сёлах. Была ли церковь в Коломенском их прототипом, мы не знаем, но что прототипом Вознесенской

³⁴ Некрасов А. «Очерки по истории древнерусского зодчества», стр. 260. М. 1936.

³⁵ ПСРЛ. Т. VIII, стр. 279.

³⁶ Рукопись Государственного Исторического музея. Синодальное собрание № 939, под 1532 годом (см. «Исторические записки», Т. XIII, стр. 88). Подобную же запись читаем в летописце того же собрания. № 940.

³⁷ «Исторические записки». Т. XIII, стр. 268.

³⁸ Государственный Исторический музей. Синодальное собрание № 485, л. 509.

³⁹ См. «Проблемы источниковедения». Т. III. 1940 (о Вологодско-Пермской летописи).

церкви в Коломенском был деревянный храм, — это мы точно знаем из ясного свидетельства летописи. Вспомним также, что в 1529 г. Василий III вместе с молодой женой Еленой ездили на север, в Кириллов монастырь и в Вологду, а на следующий год ему родился долгожданный наследник — будущий царь Иван Грозный⁴⁰. Будет правильно предположить, что церковь Вознесения в Вологде и послужила прототипом каменной церкви в Коломенском, построенной в память поездки «по чудотворцем», у которых Василий III вымаливал себе сына. Московские мастера воплотили в камне деревянные постройки севера и создали свой национальный, ни с чем не сравнимый архитектурный стиль. Вершиной их мастерства был храм Василия Блаженного в Москве (Покровский собор), построенный по многим переводам и образцам, как об этом говорит летопись.

Большое количество ремесленников, живших в Москве, создавало из неё крупнейший производственный центр Московской Руси XVI века. Поэтому ряд предметов получает прозвание «московских», что обозначает особенность данного предмета, характерную именно для московского производства. В описи ратных доспехов Бориса Фёдоровича Годунова 1589 г. находим немало обозначений вроде: «сабля турецкая», «лук бухарский» и т. д. Но в ней же мы встречаем и такие названия, как «лук московской с тетивою», «лук московское дело», «копье московское, промеж пер до тулей через грань наведено золотом». Тут же наравне с «шеломами черкасскими», «шамохейскими», «литовскими» названы «шеломы московские», а далее следуют «пансыри московские», «юмшаны московские», «трубы московские»⁴¹. Так в области производства оружия Москва идёт впереди других русских городов и даёт своё прозвание различным его образцам.

Московская духовная и материальная культура всё сильнее оказывает влияние на остальные русские земли. Даже в области церковного пения Москва становится застрельщицей новых запевов. Грозный окружает себя знаменитыми певцами; они создают новые напевы, память о которых надолго сохранится у будущих поколений.

Не случайно у очевидца московского разорения в начале XVII в. вырываются слова, рисующие значение Москвы для всей России. «И так разрушена была великая Москва, — говорит он, — и разграблены её сокровища, и засели поляки во внутреннем городе в превысоком Кремле, и тут разделили награбленное по всему войску и начали веселиться, как победители, обильные многими богатствами. Оставшиеся же москвичи, как побеждённые, бегут отовсюду по дорогам и площадям, и не знают, куда бежать, и не имеют, где главы преклонить. Услышано же было об этой победе во всех градах московских, что превеликая Москва разрушена и раскопана, и плакали об этом все люди»⁴². В XVI в. сами русские люди начинают называть свою страну Московской по имени столицы, и даже остальные города — московскими. В Западной же Европе название «Московия» становится общепринятым.

В событиях начала XVII в. Москва играла центральную роль. Она была тем пунктом, захват которого польские интервенты ставили своей целью в первую очередь. Поэтому занятие Москвы интервентами оплакивалось всей Россией, а освобождение её от польских войск рассматривалось как освобождение страны от иноземного ига. «Иди под Москву. Есть ли будет Москва за тобою, и мы готовы быть твоими», — говорят королевицу Владиславу русские изменники⁴³.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. VIII, стр. 272.

⁴¹ «Записки Императорского археологического общества». Т. XI, стр. 296—307. СПб. 1865.

⁴² «Русская историческая библиотека». Т. XIII, стр. 694.

⁴³ Летопись о многих мятежах, стр. 266. 2-е изд. М. 1788.

Москва сравнительно скоро оправилась от разорения и вновь стала крупнейшим центром Восточной Европы. О Москве XVII в. мы уже имеем вполне достоверные и обильные данные русских и иностранных источников. Москва XVII в. представляется нам обширным городом со значительным количеством каменных построек. Громадное число московских церквей было построено в XVII в. на средства посадских людей. Среди них встречаем и небольшие храмы, увенчанные пятью луковичными главами на длинных шеях, и величественные церкви, подобные церкви Воскресения в Кадашах, построенной богатыми кадашевцами, имевшими большие торги и промыслы и ворочавшими немалыми капиталами.

В XVII в. чрезвычайно расширились те международные связи, которые и ранее создавали из Москвы крупнейший связующий центр между Западом и Востоком. Расширились и дипломатические сношения России с другими странами. Установился обмен посольствами на Западе — с Испанией и Францией, на Востоке — с отдалённым Китаем. Усиленные попытки иностранных купцов наладить европейскую торговлю со Средней Азией при посредстве России общеизвестны. Известно также, какое большое количество иноземцев оседало в Москве, где возникла особая Немецкая слобода. Однако обычное представление о культурной роли этой слободы в Москве крайне преувеличено. Иностранные влияния должны были бы с особенной силой сказаться в русском искусстве XVII в., но как раз в этой области мы находим только отдельные чёрточки, напоминающие нам об иноземных течениях в искусстве. Даже в знаменитые иконы Симона Ушакова и росписи ярославских церквей только к концу века вносятся новые, «фряжские» черты, как по старой традиции иногда обозначают западноевропейские влияния, хотя они теперь в основном идут из Северной Европы, а не от «фрягов», из Италии. При всех новых веяниях русская иконопись XVII в. продолжает традиции прежнего времени.

Московские мастера попрежнему быстро осваивают новые технические приёмы, заимствованные из Западной Европы, но по-своему их обрабатывают и осмысливают. Об этой способности русских быстро осваивать лучшее из иностранных технических навыков говорит Яков Рейтенфельс, приезжавший в Москву в 1671 — 1673 годах: «Число искусных мастеров, некогда весьма небольшое в Московии, в наше время сильно увеличилось и самые мастерства в высокой степени усовершенствовались. Этого русские постигли благодаря станвящемуся с каждым днём всё более свободному обращению с иностранцами, а также природной понятливости и способности их ума. И, действительно, они не только радушно принимают иностранных мастеров, европейских и азиатских, являющихся к ним по собственному желанию, но и приглашают их к себе, предлагая через послов и письменно большое вознаграждение, причём так успешно подражают им, что нередко превосходят их новыми изобретениями»⁴⁴.

Совершенно естественно, что среди русских людей XVII в. находились охотники перенимать иноземное и видеть в подражании иноземному своего рода прогресс в тех отраслях быта, в которых можно было бы избежать такого подражания. Однако в этом отношении XVII в. был более осторожен, чем последующее столетие. Царь Алексей Михайлович завёл при дворе театр («комедийную храмину») и первый журнал («журнаты»), но остался верен прежнему московскому быту. Знаменитый Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, виднейший русский дипломат XVII столетия, усиленно предлагал организовывать русскую

⁴⁴ Рейтенфельс Я. «Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии». Перевод с латинского А. Станкевича, стр. 96—97. М. 1906.

торговлю «с примеру сторонних чужих земель»⁴⁵, но он же откровенно выступал против слепого подражания иностранцам: «Их платье не по нас, а наше не по них».

Историк не может пройти мимо того факта, что в XVII в. вся русская культура в основном была московской. Это не значит, что все остальные русские города не имели никакого культурного значения, наоборот: не только в больших, но и в маленьких городах мы наблюдаем расцвет каменного строительства, находим своих архитекторов и художников. Говоря о тождестве московской культуры с русской в XVII в., мы хотим сказать о всеобъемлющем влиянии Москвы на культуру этого столетия. Местные культурные особенности, ещё чётко заметные в предыдущем столетии, стираются, становятся незначительными в XVII в., вливаются в общий поток русской культуры. При этом мы видим, как именно через Москву приходят новые веяния, характерные для второй половины XVII века. Из Украины заносится в Москву новый архитектурный стиль, получивший прозвание «нарышкинского»: книги с гравюрами киевской печати, многоголосое пение, утверждающиеся в русских церквях.

Всё новое в области культуры идёт теперь неизменно через Москву. Именно здесь появлялись новые переводы латинских и немецких книг, над которыми нередко трудились подьячие и переводчики (толмачи) Посольского приказа. Ещё в начале XVII в. толмач Фёдор Гозвинский перевёл басни Эзопа, снабдив их следующим предисловием: «Нравоучительная к нам сей беседа и в притчах полезная к житию дарует». Подобные переводные сочинения всё более наполняют русскую литературу XVII в., в основном при посредстве московских образованных кругов.

В Москве создаются и первые библиотеки с собраниями книг на иностранных языках. Одно из таких собраний существовало при Посольском приказе, который имел постоянный штат переводчиков. В свободное время для практики толмачам поручалось составление переводов с иностранных книг. В конце века мы находим библиотеку иностранных книг в доме Василия Васильевича Голицына, фаворита царевны Софьи.

Новым и крупным явлением было возникновение в Москве особой библиотеки греческих книг, инициатива создания которой принадлежала патриарху Никону. Эти книги легли в основу замечательного собрания греческих рукописей бывшей Патриаршей библиотеки (ныне в Государственном Историческом музее) в Москве⁴⁶. Крепкие старинные связи с православным Востоком позволили в сравнительно короткое время сосредоточить в Москве первоклассное собрание греческих рукописей, в основном церковного содержания.

Общая жажда образования, связанного с изучением культурных богатств старого времени, столь характерная для второй половины XVII в., нашла выход в создании первого высшего учебного заведения в России — Славяно-греко-латинской академии. Почва для создания этой академии была подготовлена общим развитием русской культуры, но академия не случайно возникла именно в Москве, где имелся постоянный состав квалифицированных людей.

Глубина и всесторонний охват культурными навыками и интересами московского населения в XVII в. доказываются и многочисленными записями на рукописях и печатных книгах, сделанными рукою московских посадских людей и духовенства. Московский посадский люд — все эти серебреники, кожевники, сапожники и другие ремесленники, записи которых мы встречаем на книгах XVII в., — интересовался и переписывал самые различные произведения как церковного, так и светского содержания. Поэтому и в литературных произведениях

⁴⁵ Соловьёв С. «История России». Кн. III, стр. 716. 2-е изд.

⁴⁶ Белокуров С. «О Библиотеке московских государей». М. 1899.

XVII в. постоянно упоминается Москва. В повести об Ерше Ершовиче судьи спрашивают про обвиняемого: «Знают ли его на Москве князья и бояре, дьяки и дворяне, попы и дьяконы, гости и богатые?» Свидетель отвечает: «Знают его на Москве на земском дворе... ярышки кабацкие, у которого случится одна денюга, и на ту денюгу купит ершев много, половину съедят, а другую расплюют и собакам размечут». Тут необыкновенно ярко сказалась та обстановка ожесточённой классовой борьбы, борьбы народных низов против феодалов, на почве которой поднимались бурные московские восстания 1648 и 1662 годов.

В других народных повестях находим топографические указания, приуроченные к Москве (например, церковь Всех святых на Кулишках). Этой московской окраской отмечены и те песни, которые бакалавр Ричард Джемс записал в 1619 г., с их типичными оборотами народной поэзии, прославляющими уже не древний Киев и князя Владимира, а славный каменный град Москву («из славного града Москвы не красное солнце закатилось») ⁴⁷.

Москва входит в народный эпос и начинает занимать в нём почётное место, и только недостаточное внимание наших исследователей к этому позднему периоду русской народной литературы не позволяет нам полностью оценить подлинное значение Москвы для развития русского фольклора.

В нашей краткой статье мы старались осветить значение Москвы в истории русской культуры допетровской поры. Значение это чрезвычайно велико. На протяжении почти четырёх столетий своего существования в качестве великокняжеской столицы и «царствующего града» Москва была тем основным центром, при посредстве которого на Русь притекали новые технические навыки, шли разнообразнейшие культурные влияния из западных, южных и восточных стран. Москва, как крупнейший международный центр Восточной Европы, служила посредницей в обмене культурным опытом между Западом и Востоком. Особенно велико было значение Москвы для культуры русского народа, так как Москва была ведущим и передовым русским городом в течение ряда веков. Это объясняет нам и дальнейшую судьбу Москвы в те годы, когда она сделалась «порфиросной вдовой». Московский университет, Новиков, Белинский, Герцен и Грановский говорят нам о тех глубоких культурных навыках, средоточием которых являлась Москва.

Великая Октябрьская революция сделала Москву столицей первого социалистического государства в мире, городом Ленина и Сталина, подняла её на небывалую высоту. И это объясняет нам ту особую горячую любовь, которую наш народ всегда питал к своей советской столице.

В годы Великой Отечественной войны эта любовь выразилась в простых и в то же время поразительных по силе словах политрука Панфиловской дивизии, который говорил своим товарищам, погибавшим в неравном бою с наглыми врагами: «Велика Россия, а отступать некуда: позади Москва». В этих словах отразилось представление о великом прошлом и ещё более великом настоящем Москвы, восьмисотлетнюю годовщину которой празднует в этом году весь советский народ.

⁴⁷ Буслаев Ф. «Русская народная поэзия». Т. I, стр. 518. СПб. 1861.